

Ирина Глущенко

Общепит
Микоян
и советская
кухня

СЕРИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ

КУЛЬТУРЫ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Ирина В. Глущенко
Общепит. Микоян
и советская кухня
Серия «Исследования культуры»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11829448
Общепит. Микоян и советская кухня [Текст] / Глущенко, И. В.
Издательский дом Высшей школы экономики; Москва; 2010
ISBN 978-5-7598-1307-1

Аннотация

Книга Ирины Глущенко, переводчика, журналиста и исследователя советского быта, посвящена возникновению советской кухни, роли, которую играл в этом процессе Анастас Микоян, связи между общей логикой развития советской системы и ее конкретными бытовыми проявлениями. Отдельное место занимает глава о «Книге о вкусной и здоровой пище», где данный памятник советской эпохи рассматривается с эстетической, идеологической и историко-культурной точек зрения. В книге использованы уникальные архивные материалы, ранее не публиковавшиеся и не цитировавшиеся, а также фотографии из архива семьи А.И. Микояна. Книга адресована широкому кругу читателей.

Содержание

От автора	4
I. Анастас Иванович	10
Семейный эпос	19
Вкусы наркома	29
Любимый нарком	33
Картонные папки	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ирина Глущенко Общепит. Микоян и советская кухня

От автора

Несколько лет назад повсюду появилась реклама Микояновского комбината: «официальный поставщик Кремля с 1933 года». То была откровенная апелляция к сталинскому времени как к символу стабильности и благополучия.

Обращение к традиции – известная форма пропаганды. Так, например, новая власть, установившаяся в России после 1991 года, всячески, особенно на первых порах, подчеркивала, что она тоже является продолжением прошлого, только не советского, а стародавнего. Сначала в ход шли дореволюционные мифы. «Традиция качества», почти неизбежный твердый знак в конце слова – признак дореволюционной орфографии... Однако время шло, общественные настроения менялись. Отталкиваясь от недавнего прошлого и апеллируя к прошлому более раннему, общественное сознание внезапно почувствовало острый приступ ностальгии – теперь уже по советской эпохе.

Сперва стало допускаться, что и в советские времена бы-

ло что-то светлое – «вкус, забытый с детства», – скорее всего, речь идет о хрущевских и ранних брежневских годах, поскольку позднее уже ничего не было и вкус многих продуктов действительно приходилось только вспоминать.

Затем упор делался на чисто «российское» происхождение товара. Хотя известно, что многие «исконно русские» продукты производятся западными фирмами: шоколад «Покров» делается фабрикой, принадлежащей немецкому капиталу, масло «Злато» привозят из Аргентины, масло «Доярушка» – «по старинным русским рецептам» – производится в Новой Зеландии.

И вот уже сталинская эпоха начала рисоваться чуть ли не золотым веком.

Микояновский комбинат был открыт в самом конце 1933 года. Затем наступит 34-й – не рядовой год для советской истории. Это год убийства Кирова, и он считается официальным началом сталинских репрессий. После того как последняя партийная оппозиция попыталась на XVII съезде заменить Сталина на Кирова в качестве вождя, началась массовая чистка. Киров был убит при загадочных обстоятельствах, и теперь никто не сомневается, что это – дело рук НКВД. Но обвинили во всем заговорщиков, проникших в партийные ряды. После этого сотни тысяч членов партии были арестованы и расстреляны по всей стране.

А кто был в это время в Кремле? Те, кто помогали Сталину проводить чистки. Молотов, прославившийся позд-

нее пактом, подписанным с Гитлером, Берия – вдохновитель и идеолог террора, Ежов – непосредственный исполнитель массовых убийств, Каганович, систематически разрушавший старую Москву и подписавший рекордное количество расстрельных списков...

Рис. 1. Микоян, Киров и Сталин в 1933 году. Еще можно улыбаться (публикуется впервые)

Анастас Микоян вроде бы являлся частью той же команды. Но занимался не политикой, а промышленностью. Избегая конфликтов, не споря с убийцами, но и не участвуя в преступлениях, он умудрился политически пережить всех членов того Политбюро. В сталинской команде он считался

самым «добрым».

В Кремль, конечно, поставляли не шестикопеечные, «миокояновские», котлеты. Туда шли первосортные колбасы, ветчины и прочие мясные деликатесы. Нынешняя реклама стремится обратить внимание именно на эту сторону деятельности комбината.

«Книга о вкусной и здоровой пище» – кулинарный памятник сталинской эпохи – уделяет много внимания как комбинату, так и самому Микояну. Приведем только одну цитату:

«В странах капитализма, как и когда-то в старой России, потребителю ежедневно приходится сталкиваться с тем, что его обманывают в цене, качестве, в весе или в мере товара... В нашей стране все производство, все хозяйство подчинено интересам народа... Государственные стандарты и утвержденные рецептуры у нас имеют силу закона, нарушение которого строго карается. В то время как в странах капитализма стандарты (даже и там, где они существуют) ни для кого не обязательны... Товарищ Микоян говорил: “Тот, кто выпускает недоброкачественные продукты или помогает этому, – враг пищевой промышленности, враг населению нашей страны”».

И вот Микоян стал героем рекламы. Сильные стороны комбината и его продукции – надежность и качество – не в пример тем, кто игнорирует стандарты и «обманывает народ».

Обо всем этом я написала статью, которая была опубликована в газете «The Moscow Times». Ее прочитали, в частности, в Техасе создатели «Кулинарного словаря». Любопытно, что их привлек не идеологический пафос публикации, а, напротив, фигура Микояна. И они попросили меня написать для словаря статью: «Кулинарная биография Микояна». Идея показалась мне интересной, и я начала изучать материалы, посвященные жизни и деятельности Микояна. Как всегда бывает, материалов набралось куда больше, чем могла вместить словарная статья. Стоит ли говорить, что, по мере того как я погружалась в изучение предмета, все оказывалось куда сложнее и многомернее, чем представлялось вначале. Главным сюжетным стержнем моих исследований была фигура Анастаса Ивановича Микояна. Скажу сразу: я не вникала в политическую деятельность этого человека. Из всех материалов я отбирала только то, что было связано непосредственно с пищей.

Как повлиял Микоян на развитие советской кулинарии? Ведь советское питание, как общественное, так и домашнее, во многом обязано именно ему. Более того, советское питание никуда не ушло – несмотря на новые времена и веяния, новые привычки, продукты и возможности, основа, заложенная тогда, в 30-е годы, присутствует в нашей жизни и теперь.

Мне посчастливилось познакомиться с детьми Микояна Степаном Анастасовичем и Серго Анастасовичем, с его внуком Владимиром Сергеевичем. Они помогли мне бесценны-

ми сведениями, документами и фотографиями, и их трогательную заботу я ощущала на каждом этапе написания этой книги.

Удивительно и то, что знакомые, едва знакомые и совсем незнакомые люди, услышав, о чем я пишу, охотно и радостно помогали мне.

Вот имена тех, без кого книга не была бы написана:

Элис Арндт (Alice Arndt), Эльмира Алиева, Ольга Балла, Константин Барыкин, Людмила Воробьева, Татьяна Дервянко, Елена Джигоева, Григорий Заславский, Борис Кагарлицкий, Юха Койвисто (Juha Kojvisto), Дмитрий Королев, Нина Котел, Виктор Мизиано, Серго Микоян, Степан Микоян, Владимир Микоян, Римма Мубаракшина, Дмитрий Муратов, Владимир Сальников, Александр Тарасов, Тимур Тимофеев, Елена Уткина, Всеволод Шиманский, Вильям Флемминг (William Flemming).

Всем им – моя нижайшая благодарность.

І. Анастас Иванович

Как и все соратники Сталина, Микоян не может быть изъят из контекста своего времени. Он жил одной жизнью с другими членами того самого Политбюро, которые проводили массовые репрессии, поднимали страну на защиту от немецкой агрессии, плели интриги друг против друга, руководили строительством индустриальных гигантов. Это сочетание невероятных усилий и человеческой мелочности, повседневного страха и способности принимать исторические решения составляет трагическую сущность тех лет. На фоне других соратников Сталина Микоян выглядит фигурой гораздо более симпатичной. И все же нельзя забывать, что ему тоже приходилось подписывать расстрельные списки, и без постоянного участия в «грязном ремесле» тоталитарной политики он просто не сумел бы выжить.

Между тем Анастас Микоян (1895–1978) оказался политическим долгожителем. Он единственный из представителей партийной верхушки 1930-х годов, кто начал свою карьеру еще при Ленине, а закончил при Брежневе, счастливо избежав не только гибели в 1937 году, но и неприятностей, постигших многих представителей сталинского окружения в 50-е годы. Он пережил и Хрущева, сохранив свои позиции после того, как партийное руководство решило избавиться от этого непредсказуемого реформатора. В отличие от мно-

гих своих коллег, которые либо умирали в должности, либо, напротив, были низвергнуты и ошельмованы, Микоян закончил карьеру, почетно уйдя на пенсию.

Рис. 2. Хрущев и Микоян в Пицунде. 1963

В Исторической библиотеке есть книжка 1940 года, изданная в Ереване. Автор – Симак (без имени). Книга называется «Эпизоды из жизни товарища Анастаса Микояна (для юношества)». Конечно, книга должна была восхвалять Анастаса Ивановича, а подрастающие поколения – воспитываться на его примере.

«Анастаса все любили и ласкали еще с детства, но это его не баловало; он оставался скромным, умным, смышленным мальчиком... С раннего детства у Анастаса было развито чувство справедливости; всякое зло и все плохое возмущало его до крайности; он сердился. Гневался, когда попирали правду... В школе Анастас учился очень хорошо... переходил из класса в класс с наградами. Еще в самых младших классах кто-то из учителей говорил, что мальчик непременно станет видным человеком».

В общем, идеальный пример для подражания, радость учителя, отрада родителей. Такую биографию можно написать про любого исторического деятеля, которого заботливые педагоги захотят поставить в пример юношеству. Из подобных книг мы никогда не узнаем, каким был человек на самом деле, зато можем представить себе, какими автор хочет видеть своих читателей.

Вот еще один отрывок – он позволяет окунуться в лексику тех лет, эстетику эпохи.

«1937 год. Уже в 1936 году чувствовалось, что в партийные организации и органы власти Советской Армении пролезла группа троцкистских и дашнакских разбойников, которые, преследуя свои подлые интересы, вели, путем вредительства, к разорению хозяйства страны и готовили злодей-

скую измену родине. Нужна была сильная рука, недюжинный ум, крепкая воля, чтобы разрубить хитросплетенный клубок этой чудовищной измены и освободить от них страну. И на этот раз в помощь армянскому народу пришел товарищ Сталин. Зоркий глаз великого Сталина остановился снова на товарище Микояне».

Под конец мы узнаём, что верный ленинец был еще и превосходным семьянином.

Рис. 3. Минуты без напряжения. 1932 (публикуется впервые)

Рис. 4. Клан. 1963 (публикуется впервые)

«У него сейчас пятеро детей, все – мальчики. Он любит их трогательной и нежной любовью...» Относительно семьи все верно. У них с женой – Ашхен Лазаревной Туманян – было пятеро сыновей: старший, Степан, родился в 1922 году, Владимир – в 1924, Алексей год спустя. Младшими были Иван (родился в 1927 году) и Серго (1929). Из пятерых сыновей к началу XXI века было живо трое, все внуки и правнуки благополучно здравствовали. Столкнувшись с ними, я, быть может, впервые в своей жизни увидела, что такое «клан».

Микоян действительно был хорошим отцом. Что, впрочем, не сделало его семейную жизнь безоблачной. Вскоре после выхода книжки товарища Симака один из сыновей Микояна, Володя, 18 сентября 1942 года погибнет в воздушном

бою под Сталинградом. 16 января 1943 года сбили Степана. Он остался жив.

В 1943 году двое несовершеннолетних сыновей наркома были арестованы. Лучше всего об этой истории расскажет один из ее участников, Серго Микоян:

«Арестовали сначала Ваню в начале июня 1943 года. Он исчез бесследно, мама волновалась, что утонул в реке или попал под машину, катаясь на велосипеде.

Звонили в милицию, в морги, в больницы, конечно, отцу она тоже позвонила. Потом, к полуночи, маме позвонил отец и сказал буквально: “Не волнуйся, Ваня в тюрьме” А Ване, оказывается, наш комендант дачи предложил поехать на реку глушить рыбу Поехали, конечно, на Лубянку Потом, недели через две, меня – таким же методом – позвали за забор, представили незнакомому офицеру МГБ, и он уговорил съездить в Москву, ответить на два-три вопроса и вместе с Ваней вернуться домой. Ване было пятнадцать с половиной лет, мне – 14 лет (только что исполнилось). Обвиняли за посещение квартиры Ваниного одноклассника Володи Шахурина, начитавшегося “Майн кампф” Гитлера. Поэтому помню разговоры в стиле Ницше: “Только сильные имеют право на жизнь” и т. д. Видимо, у Володи было плохо с психикой. Себя называл “рейхсфюрер”, нам дал аналогичные, “меньшие по рангу” клички. Вместе с тем к советскому режиму относился с уважением. Говорил, что когда-нибудь он

сменит товарища Сталина и тогда сделает нас министрами. Честно говоря, никто его не принимал всерьез – а бывало еще пять-семь ребят. Я лично читал какую-нибудь книгу из шкафа, пока он ходил по комнате из угла в угол и изрекал глупости. Но, наверное, у него была некая способность заставить ребят слушать его, а не уйти играть в футбол, например.

Потом он убил девочку-одноклассницу Нину Уманскую (дочь только что назначенного послом в Мексику Константина Уманского). Он требовал, чтобы она не уезжала, а осталась с ним. Она отвечала, что поедет на один год до отпуска отца, а потом, когда достигнет 16 лет, попросит родителей оставить ее в Москве. Он попросил у Вани пистолет, “попугать ее”. Пистолетов у нас в годы войны было несколько, даже один автомат “Шмайссер” – трофейный. Тогда это не было проблемой: братья привозили, дядя, Артем Сергеев – “приемный сын Сталина”. В 1942 году мы ездили в освобожденный Клин, и я сам подобрал на улице пистолет.

Мы стреляли вместе с чекистами в тире на нашей даче, ездили с ними в тир “Динамо” в Мытищах и получали высокие оценки за стрельбу. А этот пистолет даже был законно зарегистрирован. Ваня не мог себе простить, что не вынул обойму с патронами.

Короче, Володя Шахурин на отказ Нины остаться с ним выстрелил в нее и тут же в себя. Ваня ждал Володю, чтобы получить обратно пистолет на другом конце Большого Ка-

менного моста: Ваня был ближе к Кремлю, а парочка разговаривала возле лестницы с моста к “дому на набережной”, где была Сберкасса, – там и поныне Сбербанк. Услышав два выстрела, он все понял и от испуга убежал.

Этот факт положил начало следствию. Пистолеты и прочее из дома были изъяты.

Но оказалось, что Володя Шахурин вел дневник. Там упоминались наши встречи и его “решения” о наших назначениях – повторяю, ни слова против власти. Наоборот, с уважением к Сталину (наверное, проводя разумные аналогии с Гитлером), и везде речь шла о том, что “когда-нибудь, после тов. Сталина...”

Следователь Прокуратуры Лев Шейнин – популярная фигура, писал книги об опыте своем в период НЭПа – сказал: “Детская игра”. Но Меркулов (МГБ) доложил Сталину, тот сказал нечто вроде: “Надо наказать”. Тогда это понималось однозначно: тюрьма. А дальше он не пояснил, переспрашивать было не принято.

Мы просидели как “подследственные” во внутренней тюрьме в здании Лубянки (там внутри двора было еще здание тюрьмы, теперь не существует, как говорят). Допросы были редкие, в основном ругань и прочее, но без физических мер. Просидели до Нового года. Где-то 28–29 декабря меня вызвали “с вещами”, провели в главное здание, в роскошный кабинет и показали документ: мы признавали участие в “организации, ставившей целью свержение советской власти”, а

нас амнистировали с административной высылкой сроком на 1 год в восточные районы страны. Я отказался подписывать, сказал, что такого не было – никакой речи о “свержении” и т. д. Кроме того, мелькнула мысль, что после такой подписи можно даже расстрелять. В качестве предлога высказал еще, что указанный возраст – 14 лет – неправильный, так как весь учебный год мне было еще 13 лет.

Генерал-майор сказал: “Не будь дураком. Вот в соседней комнате – твоя мать. Ваня уже с ней. Подпишешь – пойдешь к ним и уедешь домой. Нет – обратно в камеру”. Я прислушался, через смежную дверь, действительно услышал голос мамы. Тут же подписал. Приехали с мамой прямо с Лубянки в квартиру нашу в Кремле!

Через два дня выехали поездом, в сопровождении домработницы Даши, которую помню “с дня рождения”, в Таджикистан, где пробыли ровно год. Ваня там пошел добровольцем в авиатехническое училище, я – в школу. Ваня даже не вернулся через год, а только по окончании училища, в апреле 1945 года.

Думаю, Сталин использовал возможность, чтобы Микоян тоже был на крючке, ведь так же было с арестом жены М.И. Калинина, братьев Орджоникидзе – до его самоубийства, жены Молотова, жены своего помощника Поскребышева и т. д.».

Семейный эпос

Владимир Сергеевич Микоян, внук Анастаса Ивановича, рассказывал, что его дед «был человеком компромиссов». У него была своя философия поведения. «Если будешь настаивать на своем, – говорил он, – никогда не найдешь встречной позиции. Надо человеку дать возможность уйти в сторону. И потом отвоевать хоть что-то».

Политическое искусство Микояна было не в последнюю очередь искусством выживания. Не раз он был на грани крушения, но всегда удерживался, сохранял свои позиции.

«Отец мой был человек умный и дипломат, – говорит сын Микояна Степан Анастасович Микоян. – Он был государственный человек. Он никогда не рвался наверх. В этой обстановке нельзя было выжить иначе. Если бы Сталин прожил еще полгода, Микояна бы ликвидировали. Сталин уже публично ругал Молотова и Микояна. Сталин уже перестал приглашать его к себе на дачу. Он вообще собирался начать тогда большой террор, новую чистку. И отец ждал, что его арестуют».

Однако Сталин умер, и Микоян в очередной раз оказался на вершине – на сей раз в качестве одного из руководителей и идеологов наступившей в 1950-е годы «оттепели».

Рис. 5. «Стол, похожий на аэродромное поле». 1963 (публикуется впервые)

«На Ленинских горах в начале 50-х годов построили двухэтажные особняки, – рассказывал Владимир Сергеевич Микоян. – Здесь жили Хрущев, Булганин. У семьи Микояна тоже был такой особняк. Там жили не только он с женой, но и его сыновья – Серго, Иван и Алексей – со своими семьями. По субботам вокруг огромного стола садилось по 40 человек. Этот стол – похожий на аэродромное поле – еще жив. За столом всегда стоял гвалт – эти часы дед использовал для общения. Все друг с другом разговаривали. Были некоторые темы, на которые ему было неприятно говорить. Он не очень любил признаваться вслух, что глобально что-то не так.

Он был очень собран и внешне суров. С некоторыми людьми на работе разговаривал отрывисто, сухо, по-деловому. Но так он говорил, в основном, с некомпетентными людьми. Как-то он приехал в Казахстан смотреть какой-то объект. Идут по жуткой грязи. И вдруг к Микояну подходит кто-то из сопровождающих и говорит, смотря ему в лицо: “Анастас Иванович, а у меня два высших образования!” Микоян бросил: “А для умного человека и одного достаточно”.

А дома были внуки, которых он любил. Но никогда не сюсюкал. От него веяло авторитетом. Мы его не боялись, но было очень неприятно, когда он ругал нас. Долго он никого не отчитывал. Скажет несколько слов – и все. Но этого было достаточно. Дед был достаточно сух с сыновьями. Самое грубое слово, которое он мог сказать, было “мерзавец”».

Вообще Микоян воспитывал детей и внуков жестко, не баловал. Степан Анастасович тоже признается, что к детям отец относился довольно строго.

Рис. 6. Счастливая пара. 1939 (публикуется впервые)

«Мы боялись, что он рассердится. А внукам он все прощал. Мама была очень добрая. У них была счастливая семейная жизнь. Я такого брака больше не знаю. Они – троюродные брат и сестра. Они все время были в ожидании, что в любой момент могут арестовать. А люди такого ранга не выживали. И мужу, и жене в таких случаях грозил расстрел, детей – в лагерь.

При жизни Сталина нарком Микоян дома никогда не говорил на политические темы. Потом – много рассказывал. Он никогда не говорил плохо о Бухарине. Когда-то дружил с Уборевичем. Этот выдающийся советский полководец, которого маршал Жуков считал своим учителем, был расстрелян вместе с другими героями Гражданской войны».

Порой в рассказах Микояна звучала ирония. Его забавляло, когда Сталин требовал: «Давайте выпускать мало фильмов, восемь штук в год, но чтобы все были хорошие».

Американское посольство было первоначально напротив Кремля. По утверждению Микояна, это очень раздражало Сталина: «Что это такое – посольство так близко к Кремлю? Они же могут поставить минометы и всех обстрелять». После этого посольство перевели на Садовое кольцо.

С работы Микоян почти каждый день возвращался ночью. Уходил часов в десять утра.

Дома он расслаблялся – был веселый, шутил. Бывало, он серьезный, мрачный. В семье понимали: в такие моменты его ни о чем не надо спрашивать.

Степан Анастасович Микоян рассказывает, что с детства был приучен к скромности и сдержанности:

«Везде висели портреты членов Политбюро. Я всегда смущался, если надо было назвать себя, говорил шепотом. В школу нас на машине никогда не возили – только по понедельникам, когда мы ехали с дачи, и то высаживались за квартал до школы на Остоженке в Старополеновском переулке и шли пешком.

Я учился в тридцать второй школе. Там училась дочка Кагановича, дочка Матэ Залки, дочка Андреева, члена Политбюро, сын Мехлиса. У многих отцы были арестованы.

В 1936 году родители ездили в Америку. До сих пор помню, что они нам привезли.

Мы занимались конным спортом – нам привезли брюки для верховой езды. Еще электропоезд. Помню, что после поездки в Америку мама что-то изменила в сервировке стола. Она говорила: “Перед обедом пьют воду”. Она привезла коричневый пузатый термос. Себе – кофточки, туфли. Отцу – галстуки, рубашки. Она очень следила за его гардеробом. Много делала сама. В доме всегда было аккуратно, чисто.

Когда мы жили в Кремле, у нас была одна помощница – Даша. Она была и домработницей, и поваром. На даче у нас была няня, а на кухне – два повара, мужчины. Все они были от НКВД. В доме всегда было много гостей. Мама любила ходить в театр, особенно в Вахтанговский. У нас в школе учился сын Щукина, сын Рубена Симонова – Евгений. Мама была членом родительского комитета, была знакома со многими актерами.

Помню, мы с мамой заходили в магазины, и я просил ее что-то купить. А она говорит: “У меня нет денег”. И это была правда. Члены Политбюро получали многое бесплатно, но самих денег – бумажек – было не так уж много».

Армянский акцент Микояна (в отличие от грузинского акцента Сталина) был очень слабый. Иногда, рассказывал Владимир Сергеевич, когда Анастас Иванович не хотел, чтобы дети его поняли, он говорил с женой по-армянски.

«Дети и внуки родного языка не знали, по-армянски дед говорил им только “Спокойной ночи!” Однако он всячески поощрял наши поездки в Армению, в его родное село Санаин.

Как-то раз я сказал ему, что собираюсь в Армению. Он просил, чтобы я разыскал там, в деревне, его дядю и передал тому деньги. Вхожу в дом – лежит дед, по-русски говорит плохо. Я сказал, кто я, он прослезился. Я вышел в сад, там были его родственники. Смотрю, он встал с кровати, оделся, выходит к нам. И я увидел у него два Георгиевских креста. И он начинает рассказывать, как получил их в Первой мировой войне. Что воевал и на японском фронте, был ранен, попал в плен. И чем больше он рассказывает, тем лучше становится его русский. Спросил: “Как там Анастас себя ведет?”... В деревне гордились им. Сейчас там музей».

Микоян любил быструю езду. Всегда сидел на переднем сиденье. Ходил мелкими, быстрыми шагами. Его раздражало медленное движение.

Это был, судя по рассказам близких, не зашоренный человек, воспринимавший жизнь с интересом. Он очень любил театр, поддерживал театр на Таганке, вызывавший у начальства раздражение – не только политическим вольнодумством, но и художественным экспериментаторством. Часто он брал с собой на спектакли внуков, а со многими актерами Таганки даже подружился. Телевизор Микоян не смот-

рел, считал это потерей времени. Зато много читал – очень нравился Эрнест Хемингуэй, особенно «По ком звонит колокол». Когда разразилось дело Даниэля и Синявского, осужденных за публикацию своих книг на Западе, Анастас Иванович пытался их защищать. Однако изменить ничего не мог: даже один из ведущих деятелей партии был бессилён перед логикой системы.

Серго Микоян в своих воспоминаниях об отце пишет, что Микоян заступался за людей, которых лично знал по работе, а Сталин в ответ называл его «наивным человеком» и вручал ему пухлые папки, полученные из НКВД. Микоян «читал и первое время верил». Однако «наивным человеком» Микоян все-таки не был, иначе не выжил бы и не стал бы в последующую эпоху одним из самых удачливых в мировой политике дипломатов. Скорее, он вынужден был верить, так было спокойнее. Он шел на уступки, отстаивал своих людей там, где это было возможно, и отступался от них тогда, когда не видел шансов их спасти. С другой стороны, Сталин тоже нередко шел на уступки Микояну. Если аргументы Микояна казались ему убедительными, а человек полезен или безопасен, он тоже мог пощадить. О таких случаях рассказывает Серго Микоян в своей книге «Анатомия Карибского кризиса».

Анастас Микоян был нужен Сталину, и работали они вместе порой достаточно эффективно. Но нарком прекрасно понимал, что расположение вождя имеет границы. Когда он

чувствовал, что заходит слишком далеко, «человек компромисса» отступал. Задним числом он одним из немногих признал за собой моральную ответственность за участие в терроре, бросив знаменитую фразу: «Все мы были тогда мерзавцами».

Не стоит, конечно, идеализировать Микояна. И все же было что-то невероятно мудрое в том, что он в свое время посвятил себя пищевой промышленности. Это была своеобразная ниша, укрытие, сознательное умаление своей роли. Он смог отойти в сторону от участия в репрессиях (во всяком случае, прямого участия; понятно, что сталинский нарком не мог быть в стороне от происходящего). Он не вошел в историю как злодей, на это звание претендовали другие. Имя Микояна в народе как раз ассоциируется с положительным опытом. С чем-то очень личным. Домашним. В конце концов, и реклама Микояновского комбината работает именно потому, что имя Микояна не вызывает раздражения¹.

---

¹ Впрочем, в 2003, юбилейном для комбината году, на московских улицах появились растяжки: «Микоян» – 205 лет. Вот это было уже что-то новое! Комбинат построен в 1933 году. Анастас Иванович, если уж на то пошло, родился в 1895 году. Как объяснили мне на мясокомбинате, за точку отсчета взят 1798 год, когда купец Благушин открыл скотобойню. «Семь частных скотобоен были расположены... в том числе за Рогожской заставой (теперь это территория микояновского комбината)», – читаем мы в праздничном буклете. На этом же месте существовали Царицынские бойни. Между прочим, в советское время комбинат всегда отрекся от этих боен. Понимаю желание выстроить преемственность, но все же 205 лет назад никакого Микояна – ни человека, ни комбината – не существовало.

Можно сколько угодно говорить о достижениях и преступлениях советской эпохи. Но для того чтобы понять и почувствовать ее, хочется дотронуться до чего-то конкретного, повседневного. Именно здесь великое и страшное, комичное и отвратительное проявлялось во всем своем разнообразии, воплощаясь в жизненном опыте миллионов обычных людей. А что может быть более общим и одновременно более индивидуальным, чем пища?

Вкусы наркома

Анастас Иванович ел, по свидетельству невестки, Нами Микоян, очень мало. «Его привлекало то, что было полезно. Мясо он ел редко, в юности даже был довольно долго вегетарианцем». Рассказывает она и о том, что любил свекор, подчеркивая, что питался он очень скромно: «Завтрак – шпинат с яйцом или каша рисовая с тыквой, один кусочек поджаренного черного хлеба и чашка кофе с молоком. Обед – овощная закуска, немного супа и мясо или рыба. На сладкое летом – арбуз, дыня. В воскресенье на даче готовили суп лобио или кавказский куриный суп – чихиртма. Голубцы с мясом из капусты или виноградных листьев, плов или котлеты. На столе стояли две бутылки сухого грузинского вина, минеральная вода “Боржоми”, всегда было много солений. Особенно Анастас Иванович любил соленую капусту с перцем».

Рассказывает Владимир Микоян, внук Анастаса Ивановича, сын Серго Анастасовича:

«Он очень любил жареную картошку. Но знал, что от нее полнеют. Сам же очень следил за весом – он считал, что не должен весить больше 60 килограммов. Он клал себе на тарелку 3–4 ломтика картошки. Ел он неторопливо. Он воспитал в себе привычку впитывать вкусовые ощущения. Сидение за столом – это был способ общения. На первом месте

были разговоры, потом уже – еда.

Он очень любил спаржу, привез спаржу из заграничной поездки и посадил на даче, на огороде. Мы – внуки – ходили с ним на огород смотреть, как растет спаржа. И эту редкую еду давали гостям. А нам – только если останется».

Микоян любил овечий сыр, зелень, очень любил рыбу и мастерски ее разделывал. На завтрак он ел мацони. Сначала ему привозили из Кремля фарфоровые стаканчики, запечатанные сургучом, – чтобы никто не вздумал отравить члена Политбюро. Но потом кто-то привез из Армении закваску, и с тех пор он уже ел домашнее мацони.

«Питание, – говорит Владимир Микоян, – творческая область. Чтобы определить вкусовые качества продукта, не надо быть химиком. Здесь все на ощущениях. Вообще – это огромный простор для фантазии. Анастас Иванович был человеком очень живым, он с удовольствием общался с людьми. Когда последние годы он жил практически один, то очень страдал от этого.

Он пил минеральную воду, любил черный хлеб. Рассказывал, что выжил в детстве, в своей деревне, благодаря черному хлебу с медом. Такая еда многих спасла. Ели они орехи, лаваш, зелень и сыр. Он вообще увлекался сырами, любил даже сыр в горшочке.

Нарком продовольствия очень любил перец. Ел и жареное

мясо. Что с точки зрения современных диетологов, разумеется, неправильно. Но на здоровье наркома это не отражалось. Он держал себя в отличной форме. Поднимал гантели. Он вообще не болел, а если болел, то очень тяжело. У него был гепатит в тяжелой форме – его заразили в ЦКБ. В начале 20-х годов он болел туберкулезом в Нижнем Новгороде “на почве недоедания”.

Кофе он не пил, любил чай с лимоном. Когда-то курил, но потом бросил. У него была колоссальная сила воли. Самая страшная жалоба у него была “неприятно”.

В Мексике ему как-то дали перец, смертоубийственный по остроте. Он откусил. “Во рту был пожар”. Но не мог же нарком, член Политбюро, показать слабость. Сказал: “Неплохо. Почти так же, как у нас в деревне”».

По рассказам членов семьи, Микоян любил вино и никогда не пил водку. А у Сталина была привычка спаивать своих подчиненных, чтобы у них развязались языки. «Так дед потихоньку свою водку выливал. А еще во время этих застолий он уходил на время в маленькую комнатку, где был диван, и просто ложился там отдохнуть. Берия заметил это и наступил Сталину. Сталин вошел в эту комнатку и сказал Микояну: “Ты что, думаешь, что умнее всех?”

Микоян любил вино, и самым любимым было “Лыхны”. Это абхазское вино, сделанное из винограда “Изабелла”. Как-то раз, когда он отдыхал в Пицунде, его повезли по аб-

хазским деревням. И вот в деревне Лыхны дали попробовать красное вино. Он говорит: “Замечательное вино, легкое. А где оно продается?” – “Оно вообще не продается”. – “Как же так?” Через какое-то время он угостил этим вином членов Политбюро. И вот тогда его внедрили в производство».

Любимый нарком

И все-таки, каким был Микоян в качестве руководителя пищевой промышленности и одновременно политика? Что позволило ему пережить все перипетии той кровавой эпохи, да еще и оставить после себя

хорошую память?

Если посмотреть на его послужной список, бросается в глаза, что армянский революционер оказался, говоря современным языком, эффективным менеджером. Несмотря на высокий политический статус в партии, большую часть времени он занимался практической деятельностью, связанной с созданием промышленности, снабжением населения, позднее, во время войны – и армии.

Рой Медведев, посвятивший Микояну главу в книге об окружении Сталина, видит в нем одного из создателей советской промышленности:

«В 1934 году в СССР был образован самостоятельный Наркомат пищевой промышленности, во главе которого был поставлен Микоян. В России в урожайные годы не было недостатка в натуральных продовольственных товарах. Однако пищевая промышленность была очень слабой. Почти не существовало и системы общественного питания. Инициативе и умелому руководству Микояна СССР обязан сравни-

тельно быстрым развитием многих отраслей пищевой промышленности – консервы, производство сахара, конфет, шоколада, печенья, колбас и сосисок, табака, жиров, хлебопечения. СССР в середине 30-х годов производил, например, в сто раз меньше мороженого, чем США».

В газетах тех лет Микоян называется не иначе, как «любимый нарком». О нем говорят и как об «организаторе побед социалистической пищевой индустрии». С именем Микояна связано множество слов и понятий, давно введшихся в советский быт. Мало кто знает, например, что именно он придумал назвать специальные диетические магазины словом «гастроном». Название хлеба «городская булка» тоже придумано Микояном. Вошли в обиход и «микояновские котлеты». Микояну же принадлежит вошедшая в поговорку фраза «Реклама – двигатель торговли» – так произнес он в одном из выступлений в 1936 году

О стиле Микояна вообще нужно сказать особо. В его выступлениях, как, впрочем, и вообще во многих документах 30-х годов, проявляется общая особенность: некая интимность в отношениях со страной.

Не будем забывать, что Микоян учился в армянской духовной семинарии в Тифлисе. «Это было одно из лучших учебных заведений в Закавказье, оно было доступно для всех слоев населения и давало лучшее образование, чем классическая гимназия», – пишет Рой Медведев.

Рис. 7. «Нужно разбудить спящих!». Начало 1930-х

Выступает ли Микоян перед работниками колбасной, спиртовой или сахарной промышленности, говорит ли он о консервах или о таре, – то тут, то там проступает библейская, притчевая интонация:

«Нужно только лучше руководить, нужно разбудить спящих, поощрить энергичных, оказать помощь там, где люди не могут выбраться сами, дать нашим работникам больше инициативы» (из речи на совещании работников колбасной промышленности (1935) «За высокую культуру колбасного производства»).

В другом месте мы читаем:

«Иногда ломает ветром и старые дубы, а какое-нибудь молодое деревцо выдерживает любую бурю. Учтите это, товарищи! Пускай же не хорохорятся некоторые, пусть и старые, пусть и опытные хозяйственники, пускай не зазнаются».

Порой перед нами развернутые притчи, напоминающие чуть ли не Гоголя:

«Надо прямо сказать, что вкус к техническим новшествам имеется далеко не у всех. Вот работники Главмяса представили мне на утверждение проект баночного цеха Петропавловского мясокомбината. Я их спросил: “Консультировал кто-нибудь проект, кроме вас, – специалисты Главконсерва, например, где производство банок развито гораздо лучше и шире, чем у вас?”

“Нет, – говорят, – не консультировали”.

“А видели вы хоть одну крупнейшую фабрику Главконсерва? Там работает американское оборудование”.

И фабрики этой, оказалось, не видел проектировщик Главмяса. Он был только на двух старых консервных заводах Главмяса.

Я дальше спрашиваю: “А просили вы консультации у инженера Молдавского, который недавно ездил за границу для

изучения производства банок”?

“И у него, – отвечают, – не просили консультации”».

И рядом же – советские обороты: «расшить узкие места», «заводо-сутки», нас «резал» транспорт, «мы вовремя не нажали на подвоз угля», «перебои и простои, ротозейство и расхлябанность», заводы «плетут-ся в хвосте», «находятся в плену у рутины», «все это мы должны подхватить и всюду раздуть». Стиль эпохи говорит сам за себя. «Сейчас мы имеем массовые рационализаторские мероприятия на предприятиях, которые мы должны проводить, обобщать, использовать». Впрочем, порой советский пафос приобретает оттенок иронии:

«Теперь, правда, меньше воруют, но надо, чтобы совершенно не воровали. Как тут не вспомнить Зощенко: “Воровство у нас есть. Но его как-то меньше”».

Картонные папки

В Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) в Архиве народного хозяйства в Фонде 8543, опись 1: «Народный комиссариат пищевой промышленности», хранятся материалы Наркомпищепрома. Это – огромное количество папок с различными документами, письмами, телеграммами, записками. Часто на этих листках, напечатанных на каких-то слепых, сбитых машинках, стоит крупная роспись, сделанная красным или синим карандашом: Микоян.

Наркомат пищевой промышленности находился на улице Варварке, в доме 14. Четыре года – с 1934 по 1938 – Микоян был наркомом пищевой промышленности. Это время, когда был убит Киров, развернулся Большой Террор, были брошены в тюрьмы и расстреляны сотни тысяч невинных людей, в том числе и многие лидеры большевистской революции. Но именно в эти годы создавалась отечественная пищевая промышленность, зарождалась и складывалась советская кухня.

Пожелтевшие картонные скоросшиватели, документы, аккуратно скрепленные делопроизводителем Прокиной (на каждой бумажке стоит ее «верно» фиолетовыми чернилами)... Мы узнаём, что одним из замов Микояна был Беленький, а секретарем – Барабанов.

Рис. 8. «Никаких аргументов и причин я не знаю и знать не хочу!» Начало 1930-х

Показательно, что у людей, фигурирующих в документах, нет имен. Есть только фамилии. Это общий стиль 20-х и ранних 30-х годов, отражающий своеобразный эгалитаризм. Все равны. Уважительное обращение по имени и отчеству, характерное для русского дореволюционного общества, фактически упразднено, поскольку в нем есть элемент заискивания. А по имени обращаются друг к другу лишь друзья, близкие люди. Остальные просто товарищи. Кстати, судя по некоторым воспоминаниям, вождь народов тоже не любил, когда

к нему обращались (как в официальных здравницах) «Иосиф Виссарионович». Он предпочитал привычное партийное обращение: «товарищ Сталин».

Большую часть архива наркомата составляют телеграммы. *Я специально сохраняю орфографию и пунктуацию всех документов* – в них тоже проявляется стиль эпохи, ее голоса. Здесь можно ничего не комментировать... Это крики о помощи.

«Ташкент, Микояну

Отсутствие сенопрессовальной проволоки сапог плащей грозит срывом импортных операций скоту тчк неоднократные обращения центральную импортную контору результатов не дали тчк если указанное не будет получено Алма Ата крайнему сроку 1 сентября скот останется без фуража рабочие пастухи наступления холодов разбегутся воздействуйте скорейшей засылке Кулумбатов».

Из Астрахани 22 апреля 1934 года наркому летит «молния»:

«Связи уносом море время шторма до тридцати процентов сеток особенно гурьевских ловцов срочно реально помочь посылкой вобленных селедочных сетей».

А вот правительственная телеграмма от 1 июля 1934 года:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.